

Су Цзюгуй уже примерно сопоставил факты — то, что свершилось, вспять не поворотить. Он не знал наверняка, приложил ли действительно руку к снятию печати и сговору с демонами, но в одном сомневаться не приходилось: казнь на Террасе Казни Бессмертных настигла его из-за того, что в Поглощающей Бездне стряслась беда.

Су Цзюгуй обронил лишь:

— Вот оно что.

От этого спокойного, ровного тона у Вэнь Ци мурашки побежали по спине. Человек только что узнал, что по его вине погибло больше семисот собратьев по ордену, а у него даже бровь не дрогнула!

То ли ему было глубоко плевать на чужие жизни, то ли у него вместо сердца изначально лежал холодный камень. Впрочем, слухи твердили, что Лу Юньци давно отринул земные чувства и мирские страсти. Его душа уподобилась заброшенному колодцу, подернутому ряской: брось туда хоть глыбу — вода и не всколыхнется.

Не знай Вэнь Ци его лично, он бы точно поверил рассказам демонов о том, что этот человек — чудовище, способное уничтожить весь мир.

Но, поразмыслив, юноша решил: великие свершения как раз и требуют подобного ледяного спокойствия. Истинный мастер никогда не теряет самообладания. Раз уж они вышли сегодня наружу только ради того, чтобы получить пропуск, ничто не должно было сбивать их с намеченного пути.

По спине Вэнь Ци скользнул неприятный холодок. Он вдруг осознал, что совершенно не понимает попутчика.

«Если однажды он захочет меня убить, шею свернет как цыпленку и глазом не моргнет?»

Вэнь Ци судорожно сжал висевший на груди амулет, но сразу же тряхнул головой, отгоняя глупые мысли.

Они ведь уже делили дорогу. Этот таинственный заклинатель снизошел до помощи такому ничтожеству, как он, и вызвался починить дорогую сердцу вещь — память о покойной матушке. Как ни крути, Вэнь Ци не верил, что этот человек способен причинить вред невинным.

Толпа зевак понемногу рассеялась. Су Цзюгуй негромко спросил:

— И где находится эта Канцелярия Трех Иней?

Вэнь Ци встрепенулся:

— Ах да! Идемте, я провожу.

Место, куда они держали путь, именовалось Канцелярией Трех Иней. Между демоническими владыками и предводителями иных тварей существовал негласный договор, согласно которому в крупных городах создавались подобные ведомства для надзора за явившейся в людские земли нечистью. Здесь пришлые могли получить охранную грамоту и зарегистрировать свое пребывание.

Только-только прибывшим из Демонического царства тварям надлежало отметиться в канцелярии, чтобы получить личный жетон и пропуск. Вэнь Ци слышал о существовании этого места, но обходил его десятой дорогой. Стоило им приблизиться к нужной подворотне, как юноша ощутил, как тяжелая, чуждая человеку аура демонической скверны сдавила виски.

Он невольно попятился и пролепетал:

— Мне... мне туда нельзя.

Обычным людям вход в канцелярию был заказан. Да и стоять рядом было небезопасно: кто знает, какому чудищу взбредет в голову сорваться с цепи и вцепиться прохожему в глотку?

— Подожди меня на углу, — распорядился Су Цзюгуй.

Вэнь Ци замялся. Ему казалось, что Су Цзюгуй умудрится влипнуть в неприятности даже на ровном месте, но, здраво рассудив, понял: защитник из него все равно никудышный. С какими силами ему кого-то оберегать?

Канцелярия Трех Иней

Управа мало чем отличалась от обычного человеческого присутствия, разве что над резными воротами красовалась вывеска с глубоко выбитыми иероглифами: «□□□». Посетителей внутри оказалось немного. Мало кто из нечисти утруждал себя маскировкой: повсюду шныряли кошачьи оборотни с подергивающимися ушами, важно вышагивали вороньи духи, волоча по полу черные крылья, а у стены переминался с ноги на ногу грузный демон-медведь.

Сразу за порогом высилась глухая каменная стена, сплошь покрытая вязью мерцающих золотых письмен. Знаки то угасали, то вспыхивали вновь, повинуюсь какому-то своему ритму. Под этой исполинской плитой любой почувствовал бы себя букашкой.

Су Цзюгуй не знал наречия тварей, а потому спросил:

— Что это такое?

— Список наград, — отозвался Сяобай. — Здесь записаны те, кто натворил бед в демоническом краю или мире людей. За их головы положена щедрая плата: можно взять драгоценными камнями, а можно выменять на редкие снадобья.

У демонических тварей не водилось грозных регулярных войск вроде Армии Таинственных Символов, что подчинялась владыкам демонов, поэтому для поддержания порядка они полагались на наемных убийц и охотников за головами. Расправа над нарушителями законов щедро поощрялась.

— Правда, сейчас наш род совсем измельчал, — со вздохом добавил мальчик. — Платят только звонкой монетой да камнями. Вот в прежние времена, когда в руках предводителей еще находилось Колесо Сансары, за голову особо опасной твари могли накинуть пару десятков лет жизни.

Су Цзюгуй мысленно усмехнулся. Праведные ордены и демонические владыки веками вели беспощадную войну, а расплодившаяся нечисть лишь ютилась в щелях между молотом и наковальней. В людских преданиях их частенько выставляли безвольными прихвостнями, готовыми пасть ниц перед любым сильным господином. В народе даже шутили: «Кому власть досталась, тому лисица и хвостом виляет».

Кто бы мог подумать, что когда-то эти презируемые создания держали в руках саму судьбу и могли распоряжаться годами чужой жизни.

— Если надумаете размять кости и поохотиться, лучшего места не найти, — лукаво подмигнул Сяобай.

В прошлой жизни Су Цзюгуй носил даосское одеяние, а учение праведных предписывало милосердие к живым существам. Безжалостная резня противоречила его сути, однако истребление чудовищ, чьи имена горели золотом на этой стене, считалось делом благородным и богоугодным.

Тот призрачный заклинатель в одном оказался прав: для Су Цзюгуя, лишённого прежней силы, самым быстрым способом вернуть величие было убийство себе подобных с последующим поглощением их золотых ядер.

Впрочем, сейчас эта затея мало его прельщала. Смерив спутника долгим взглядом, он заметил:

— Гляжу, ты на редкость осведомлен о здешних порядках.

Сяобай рассуждал так складно и уверенно, словно варился в этом котле не один десяток лет. Куда уж Су Цзюгую, который обратился лисом лишь без году неделя.

Су Цзюгуй намеренно закинул удочку, надеясь прощупать истинную сущность мальчишки.

Сяобай в ответ лишь беззаботно улыбнулся:

— Благодарю за похвалу, учитель!

Его необычные белые глаза сощурились, а в лице не сквозило ни капли фальши. Су Цзюгуй пытался поймать его на лжи, а этот проныра вел себя так, будто его действительно одарили комплиментом.

Су Цзюгуй лишь мысленно покачал головой. Поди разбери, то ли этот малец глуп как пробка, то ли хитер сверх всякой меры.

За длинной деревянной стойкой, примостившись на высоком табурете, дремал сухонький старик. Маскироваться он и не думал: длинные, свисающие по обе стороны беззубого рта усы выдавали в нем старого водяного — то ли карпа, то ли сома. При каждом вздохе эти усы смешно топорщились.

Перед чиновником лежали счеты, пухлая книга учета и резная каменная чаша, с виду напоминающая чернильный камень.

Перед Су Цзюгуйем у стойки топталась пугливая девица-крольчиха в бледно-розовом платье. Длинные уши послушно свисали вдоль ее плеч. Заканчивая дела, она невзначай обернулась, наткнулась взглядом на вошедшего лиса и застыла как вкопанная. Спустя мгновение ее щеки густо залил румянец; пряча смущенный взор, она поспешно юркнула к выходу.

Су Цзюгуй даже бровью не повел, зато Сяобай заметно насупился — излишнее внимание к спутнику явно пришлось ему не по душе.

Когда подошла их очередь, старый карп даже не соизволил поднять глаз. За сотни лет верной службы эта рутина ему осточертела пуще горькой редьки.

— Кровь давай, — буркнул он, пододвигая чашу.

Канцелярия строго вела учет прибывающих: дабы избежать путаницы и подлогов, нечисть проверяли по крови. Определить истинное происхождение твари по капле жизненной эссенции было куда проще, чем пробиться сквозь искусную маскировку духовного облика.

Для Су Цзюгуя это было только на руку — кровь обмануть гораздо легче, нежели глубокую суть души.

Он слегка прикусил палец и позволил темной капле упасть на гладкое каменное дно сосуда.

Капля расплылась по камню причудливым узором, точь-в-точь как тушь на рисовой бумаге. Кровавые разводы медленно складывались в угловатые письмена — тайный язык демонического племени, который даосу был неведом.

— Из лисьих будете? — мельком глянув на узор, прошамкал старик и скрипнул кистью в реестре. — Ба, да еще и родом из предгорий Запечатанной горы. Не врут слухи, в тех краях лисицы рождаются на редкость пригожими.

Су Цзюгуй удивленно приподнял бровь. До сего дня он и не догадывался, что его нынешняя плоть происходит из долин Запечатанной горы. Стоило бы при случае наведаться в те края.

— Всего три года от роду? — старик пренебрежительно хмыкнул. Возраст у нечисти отсчитывался с момента обретения человеческого обличья. — С такими куцыми силами — и один в мире людей? Что, в твоей норе совсем никого не осталось, раз отпустили дитя без присмотра?

Су Цзюгуй промолчал.

Оказывается, по меркам здешних тварей он был сущим младенцем.

— Кха... — Сяобай не выдержал и звонко расхохотался. — Ха-ха-ха! Получается, ты младше меня!

Су Цзюгуй искоса глянул на него:

— И сколько же лет тебе самому?

Мальчишка почесал макушку, соорудив самую невинную мину:

— Эх, кабы я помнил... В голове все перепуталось.

«Притворяйся дальше», — мысленно хмыкнул бывший даос.

Каменная чаша явно обладала недюжинной силой. На миг у Су Цзюгуя даже мелькнула мысль: а что, если заставить Сяобая капнуть туда крови? Удается ли выяснить, действительно ли этот ребенок — всего лишь осколок чьей-то могучей души, как утверждал призрачный заклинатель?

Тем временем лисья кровь в сосуде вела себя странно — она словно ожила, свиваясь в замысловатые кольца и меняя очертания. Старик долго всматривался в эти метаморфозы, после чего разочарованно протянул:

— Да у тебя и ранга толком нет. Пустышка.

— Насколько все плохо? — ровным тоном поинтересовался Су Цзюгуй. Ему требовалось знать точные рамки своих нынешних возможностей.

Водяной почесал затылок. Ему редко доводилось видеть столь путанные узоры. Кровь продолжала расползаться тончайшей паутиной, не желая складываться во что-то определенное.

— В народе принято делить великих тварей на девять рангов. Девятый — самый захудалый, а тех, кто ниже, и вовсе за полноценных духов не считают.

Все логично: в людском чиновничьем аппарате мелкого писца девятого ранга кличут «кунжутным зернышком», а те, кто рангом ниже — обычные слуги на побегушках, которых никто и в расчет не берет.

— Ты до девятого даже не дотягиваешь, — покачал головой старик. — Если мерить по нашей шкале, твое место где-нибудь в третьем десятке.

Су Цзюгуй спокойно кивнул. Без золотого ядра глупо было рассчитывать на большее. Зато он подметил важную деталь: волшебная чаша Канцелярии не уловила присутствие чужого ядра Ло Цяоцяо, сокрытого в его теле.

— Ты бы поберег себя, малец, — старик со вздохом потянулся. — Под ноги великим господам не лезь. Скоро у Владыки Небесной Обители намечается великое празднество, Небесный юбилейный пир, так ты туда даже носа не суй.

Немного помолчав, он добавил:

— В городе нынче неспокойно. Держись от греха подальше.

В глазах старого водяного этот лис был сущим младенцем — едва обрел человеческое тело, сил нет, ядра нет, зато смазлив на зависть другим. Таких бедолаг работорговцы да распутные господа прибирали к рукам в первую очередь.

Су Цзюгуй безучастно кивнул в ответ.

— Каким ремеслом промышлять думаешь? — спросил старик, занеся кисть над очередной графой.

На жетоне требовалось указать род занятий. Человеческий мир велик, дорог в нем множество, выбирай любое дело по душе.

Об этом Су Цзюгуй как-то не задумывался.

— Мне без разницы, — обронил он.

Старый карп удивленно воззрился на него. Впрочем, ничего из ряда вон выходящего в этом не было — лесные твари частенько понятия не имели, как приткнуться среди людей, и во всем полагались на решение Канцелярии.

Старик прищурился, оценивающе оглядывая лиса с ног до головы. Внешность у юноши и впрямь была выдающейся: тонкие черты лица, благородная осанка, напоминающая вековую сосну на вершине скалы, но взгляд при этом излишне холодный, горделивый. Лисы уродливыми не рождаются, но в этом сквозила какая-то особая, отрешенная красота.

«Такой изнеженный тип вряд ли захочет махать заступом на пашне или гнуть спину в лавке», — рассудил водяной.

Поразмыслив, старик ухмыльнулся:

— Есть у меня на примете одно дельце. Ваш брат-лис испокон веков этим кормится. Коли повезет приглянуться какому-нибудь богатому покровителю — до конца дней горя знать не будешь.

Су Цзюгуй было глубоко наплевать, какое клеймо ему выжгут на деревяшке. Он пришел сюда ради самого пропуска, а наниматься на работу все равно не собирался.

Старик тем временем зашуршал ящиками. Из запыленного восьмигранного ларца он извлек гладкую деревянную плашку и принялся выводить на ней только что записанные сведения.

На жетоне выжигали лишь вид твари и место ее происхождения. Имена не писали никогда — у этой братии сегодня одна кличка, завтра другая, поди свищи их потом по лесам.

Закончив работу, водяной протянул готовый знак. Су Цзюгуй принял его не глядя и небрежно закрепил на поясе.

Оставалось лишь приложить палец к реестру, скрепив запись кровью. Едва Су Цзюгуй прижал ладонь к бумаге, как с улицы донесся приглушенный гул. В то же мгновение воздух в помещении сделался невыносимо тяжелым.

Словно к его затылку приставили острие исполинского меча. Волна чистейшей, концентрированной духовной силы прокатилась по залу, пробуждая в теле первобытный, неодолимый страх.

Су Цзюгуй нахмурился. Чем могущественнее тварь, тем яростнее бурлит ее сущность. Такому существу не нужно обнажать оружие — само его приближение давит на плечи невидимой плитой, заставляя окружающих гнуться к земле.

Незванный гость еще не перешагнул порог, а его присутствие уже затопило все вокруг. Судя по плотности ауры, к канцелярии приближался великий дух не ниже второго ранга.

Обычно нечисть, промышляющая среди людей, старается не привлекать к себе внимания — излишняя похвальба быстро сводит в могилу. Однако этот визитер вел себя на редкость вызывающе. Он пер напралом, не считаясь ни с какими приличиями, словно полновластный хозяин здешних мест. Спеси в нем было не меньше, чем у павлина, распутившего хвост перед изумленной публикой.

С его нынешними жалкими крохами сил Су Цзюгую следовало держаться от подобных чудовищ как можно дальше. Даже если великий дух не пожелает его смерти, случайной искры от его гнева хватит, чтобы стереть слабого лиса в порошок.

Посетители Канцелярии торопливо прижались к стенам, освобождая проход. Су Цзюгуй медленно выдохнул, заставляя утихнуть глухую дрожь в коленях.

Приложив палец к свитку, он уже намеревался затеряться в толпе, как вдруг старый водяной испуганно пискнул:

— Истинный Владыка Небесной Обители изволил прибыть!..

«Небесная Обитель?»

Су Цзюгуй застыл. Обернувшись, он увидел остановившиеся у входа роскошные носилки. Из-под расшитого шелкового полога показался изящный веер из белого нефрита. Он небрежно отодвинул занавесь, и на свет божий ступил молодой мужчина в ослепительно белых одеждах.

Статный, высокий, он держался со сквозным высокомерием истинного аристократа. Глубокий, пронзительный взгляд темных глаз сочетался с легкой, едва заметной усмешкой на губах. Изгиб его тонких бровей выдавал натуру ветреную и склонную к изнеженному сибаритству — с первого взгляда в нем можно было признать праздного столичного повесу.

Но самым поразительным были его волосы — длинные, цвета чистого серебра. Белые одежды, белый нефритовый веер в холеных пальцах... Весь его облик казался воплощением первозданной чистоты.

Перед присутствующими стоял последний дракон этого мира. Безупречный белый дракон.

Чжубай явился.

<http://bllate.org/book/18298/1755135>